

Согрин В.В. 2013. Рождение американской империи: 1898–1918. Причины, цели, методы. — *Новая и Новейшая история*. № 3. С. 61–85.

Фишер В. 1999. *Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980*. М.: ГИЦ ВЛАДОС. 368 с.

Gaddis J. 1982. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy*. N.Y.: Oxford University Press. 432 p.

Gaddis J. 1987. *The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War*. N.Y.: Oxford University Press. 352 p.

BELOUSOVA Ksenia Andreevna, Dr.Sci.(Hist.), Professor of the Chair of New and Modern History, Institute of History and Policy, Moscow State Pedagogical University (1, bld. 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow, Russia, 119991; theyp@mail.ru).

USA – EUROPE: BEGINNING OF POWER RELATIONS

Abstract. Europe and the USA have been historically connected for a long time. This connection had been relatively equal until the end of the Second World War when the USA due to different circumstances afforded an opportunity to dictate their will to Europe. The main factor of those powerful relations was Marshall Plan that placed Europe in the dependence, which goes on until our days.

Keywords: Europe, USA, Marshall Plan, power relationship, dependence

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – кандидат экономических наук, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, корп. 2; Degterev_DA@pfur.ru); доцент Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (119454, Россия, г. Москва, пр-кт Вернадского, 76; Degterev@mgimo.ru)

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: АТРИБУТЫ, ИЕРАРХИЯ, ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена выделению основных субъектов (акторов) международных конфликтов нового поколения и анализу их мотивации. Представлена классификация акторов, в т.ч. в зависимости от степени их вовлеченности в международный конфликт, раскрыта роль коалиций. На примере событий Арабской весны и ситуации на Украине 2014–2015 гг. показано ослабление роли государства как субъекта конфликтов при одновременном возникновении новых влиятельных акторов. На конкретных примерах показана роль различных уровней анализа (от индивидуального до уровня системы международных отношений) в объяснении динамики международных конфликтов нового поколения.

Ключевые слова: актор, субъект, международный конфликт, моделирование международных отношений, уровни анализа международных отношений

Основная цель моделирования международных конфликтов заключается в том, чтобы понять и – в идеале – спрогнозировать динамику их развития. Для этого необходимо выделить движущие силы данных процессов, а также понять закономерности их развития. Для перехода к формализованному модели-

рованию международных конфликтов необходима их дальнейшая декомпозиция – выделение отдельных субъектов (акторов) и анализ их мотивации.

На практике это не так просто сделать, поскольку плотность социальных связей чрезвычайно высока, что затрудняет вычленение наиболее важных из них и выявление причинно-следственных закономерностей. Говоря математическим языком, система международных отношений характеризуется наличием сотен эндогенных переменных с десятками обратных связей. Саму конфигурацию международной сети можно моделировать в рамках сетевого анализа международных отношений [Дегтерев 2015].

Кроме того, меняется и сам характер силового противостояния: вместо классических войн, а также асимметричных и иррегулярных конфликтов в эпоху Постмодерна приходят «гибридные войны», характеризующиеся еще большим многообразием типов акторов [«Гибридные войны»... 2015].

Выделение субъектов международных конфликтов

При большом числе участников международных процессов далеко не все из них являются субъектами, т.е. не все оказывают активное влияние на данный международный процесс. Напротив, субъектами могут быть и те, кто не являются непосредственными участниками конфликта, но занимают высокое положение в рамках стратифицированной (иерархичной) системы международных отношений [Цыганков 2007: 236]. Это региональные державы, принадлежащие к той же подсистеме международных отношений, а также великие державы, имеющие свои интересы практически во всех уголках мира. По формальным критериям к великим державам относят, как правило, государства, на которые приходится не менее 10% совокупной мировой мощи [Geller, Singer 1998].

Для дифференциации степени вовлеченности субъектов в международный конфликт (процесс) и влияния представляется целесообразным ввести интегральный *показатель потенциала актора в данном конфликте*, представляющий произведение совокупной мощи актора (агрегированный показатель военной, экономической, научно-технической и пр. мощи) на допустимую степень вовлеченности в данный конфликт (международный процесс). Дело в том, что даже самые мощные государства не готовы идти ва-банк, участвуя во всех конфликтных ситуациях, а рискуют лишь частью своего потенциала для разрешения ситуации в выгодном для них русле и лишь в тех конфликтах, которые непосредственно затрагивают интересы их национальной безопасности. Так, РФ не стала идти ва-банк в украинском кризисе (2014–2015 гг.), ограничившись оказанием гуманитарной помощи Донбассу, в целях сохранения стабильной социально-экономической ситуации в самой России.

Уровень вовлеченности актора в тот или иной конфликт зависит от ряда факторов, в т.ч. и от проводимого внешнеполитического курса, который может колебаться от практически изоляционистского до сбалансированного (оборонительный реализм по К. Уолцу [Waltz 2010]) и далее – до агрессивного (наступательный реализм по Дж. Миршаймеру [Mearsheimer 2001]).

В ходе конфликта образуются коалиции из нескольких участников; в этом случае потенциал нескольких акторов суммируется, а потенциальный выигрыш всех участников можно выразить посредством характеристической функции коалиции [Дегтерев 2010: 76–80]. Однако поскольку каждый из участников исходит в первую очередь из своего интереса (некооперативная игра), то возможны изменения в составе коалиций (устойчивые коалиции крайне редки), если другая сторона может предложить более выгодные условия в случае перехода в ее коалицию. Например, немецкие деловые круги в настоящее время пытаются оценить выгоды от участия в двух коалициях – атлантической (соз-

дание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между ЕС и США) и евразийской (сопряжение проектов Евразийского союза, Нового шелкового пути и ЕС). Участие одного актора сразу в двух противоположных коалициях встречается очень редко и, как правило, пресекается создателям данных коалиций (пример – продажа Францией «Мистралей» России; стремление Украины до 2014 г. участвовать в интеграционных проектах в рамках и Европейского, и Евразийского союза).

Помимо реальных (действительных) акторов, целесообразно также выделять эвентуальных (т.е. возможных при определенных обстоятельствах) акторов в случае анализа латентных (скрытых) конфликтов [Комплексная... 2014: 13-18]. В настоящее время такие конфликты характерны, например, для стран Латинской Америки [Мартынов 2006] или Восточной Азии [Козырев 2006].

Государство: субъект или объект международных конфликтов

Ключевым актором международных отношений является государство. Наиболее последовательными сторонниками данного подхода являются реалисты (неореалисты). Государство представляется им замкнутой величиной, наподобие бильярдного шара [Wolfers 1962: 19]. В либерализме (неолиберализме), напротив, считается, что влияние государства как актора ослабевает и возможно существование других взаимосвязанных акторов (например, некоммерческих организаций, ТНК), а общий характер международного взаимодействия можно образно отобразить в виде паутины [Гаджиев 2016; Худайкулова 2005].

Представляется, что снижение влияния государств как основных акторов – это не фигура речи, а отражение реальной ситуации. За последние несколько десятилетий возросло число государств с парламентской формой правления, где влияние на принятие внешнеполитических решений оказывают сразу несколько лоббистских групп. Монолитные государства с сильным лидером в современном мире – большая редкость; лидер такого государства автоматически объявляется диктатором и подвергается остракизму. Значительный сдвиг произошел здесь в ходе событий Арабской весны, когда были демонтированы сразу несколько сильных светских режимов. В ходе ситуационного анализа «Африка-пост Каддафи: новая дуга нестабильности (Ливия, Мали, Нигер, Чад, ЦАР)», проведенного кафедрой теории и истории международных отношений РУДН в 2014 г., на фоне слабой центральной власти в качестве основных акторов в субрегионе рассматривались племенные союзы (арабы и берберы, туареги, тубу и др.) [Комплексная... 2014: 98-110].

В арабских странах по мере ослабления центральной власти основными акторами становятся международные террористические организации (Аль-Каида, Братья-мусульмане, Хизб-ут-Тахрир, Талибан), наиболее мощным из которых является Исламское государство (его деятельность в России запрещена). Помимо Ближнего Востока, таким типом региона постепенно становится и Африка (по мере активизации деятельности «Боко-Харам») [Исламские... 2015].

Суверенитет перестает носить абсолютный характер, а становится функциональным. В ряде случаев речь идет даже об имитации государством функции управления [Бабинцев 2012].

По мере ослабления центральной власти повышается роль политических партий, СМИ и НКО (см. рис. 1), которые формируют общественное мнение и обладают символической властью в информационном обществе (в терминах постмодернизма) [Черкасова 2015].

В рыночной экономике основным стимулом деятельности партий, многочисленных СМИ и некоммерческих организаций выступает финансовая мотивация. Крупные финансово-промышленные группы, представляющие в

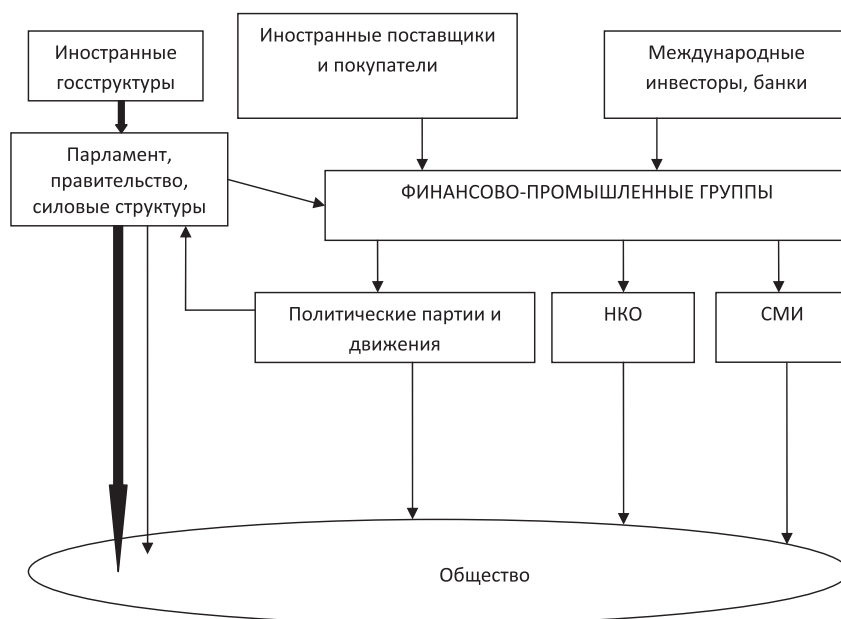

Рисунок 1. Механизмы управления развитым гражданским обществом с рыночной экономикой

т.ч. национальный капитал, владеют основными медиаактивами и являются основными спонсорами политических партий и НКО [Ситуационные анализы 2011: 202-222].

В свою очередь, финансово-промышленные группы встроены в глобальные бизнес-структуры, получая доступ к материальным ресурсам — к международным рынкам капитала, сбыту продукции, к новым технологиям; а также участвуя в информационном обмене и получая соответствующие импульсы. Финансово-промышленные группы выступают одним из наиболее важных акторов (показателен пример участия владельца Приват-банка И.В. Коломойского в украинском кризисе 2013–2015 гг.). По мере углубления процессов глобализации, бизнес-группы различных стран мира действительно становятся взаимосвязанными, образуют своего рода «паутину». Формируются сетевые структуры и среди НКО, а также СМИ.

В сложившейся структуре управления обществом влияние иностранных государств на общественно-политическую жизнь страны, на формирование основных ее приоритетов, в т.ч. во внешнеполитической сфере, носит опосредованный характер. При посредничестве бизнеса создаются самофинансируемые структуры (партии, НКО, СМИ), продуцирующие необходимый идеологический контент [Дегтерев 2011]. Прямое вмешательство (см. рис. 2 слева) иностранных государств во внутривнутриполитический процесс (например, непосредственная координация действий Службы безопасности Украины под руководством В.А. Наливайченко американскими партнерами в 2014–2015 гг.; финансирование из-за рубежа российских НКО, уже признанных иностранными агентами) наблюдается в редких случаях по причине очевидных имиджевых издержек. Таким образом, для выявления того, под влиянием каких внешних акторов находится государство (в условиях слабой центральной власти), необходим анализ международных операций

Таблица 1

Политический пейзаж Туниса до и после Арабской весны

Партия	Год создания	Выборы 2009 г.	Выборы 2011 г.	Выборы 2014 г.	Идеология	Внешние связи
Демократическое конституционное объединение	1988	161/214	Закрыта	–	бургибизм, социал-демократия	Франция, Египет
«Зов Туниса»	2012	–	–	86/217	бургибизм, социал-демократия, секуляризм	ОАЭ, Саудовская Аравия, Египет
«Возрождение»	1981	–	89/217	69/217	консерватизм, умеренный исламизм	Катар, Турция, США
Свободный патриотический союз	2011	-	1/217	16/217	анти-исламизм, либерализм	ОАЭ, Алжир, ЕС
«Афик Тунис»	2011	-	4/217	8/217	либерализм, секуляризм	ЕС

Источник: Составлено Н. Колпаковым (РУДН) для ситуационного анализа «Большой Ближний Восток: двадцать лет спустя»

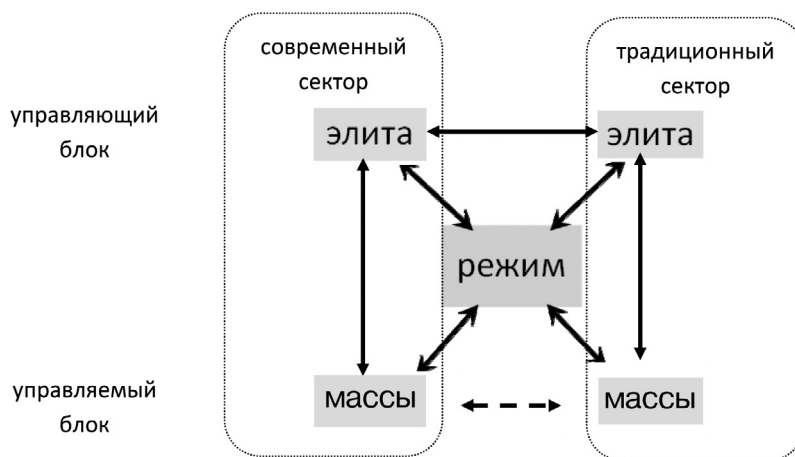
его основных бизнес-групп, источников финансирования основных медиаактивов и политических партий.

Так, после событий Арабской весны политический пейзаж Туниса был в значительной степени переформатирован (см. табл. 1). Вместо партии парламентского большинства «Демократическое конституционное объединение» было создано множество новых партий, ориентированных на различные внешние силы, в первую очередь из европейских стран и стран Персидского залива [Бирюков 2013].

Безусловно, роль СМИ, НКО и партий в политической жизни и управлении обществом в большей степени характерна для западных стран и секулярных режимов ряда стран Ближнего Востока. Рассматривая механизмы управления более традиционными обществами, исследователи, как правило, делают особый акцент на противостоянии элит, опирающихся на современный сектор экономики и традиционный сектор (см. рис. 2).

Так, в качестве основных эвентуальных акторов латентного конфликта в Ферганской долине британские исследователи выделяют постсоветские (традиционные) элиты, наркоторговцев, религиозных фундаменталистов, силовые структуры (милиция и армия) и население [Conducting Conflict... 2002: 14]. В политической и экономической жизни Египта сохраняется влияние традиционной элиты в лице армии, вместе с тем развиваются новые технократические элиты. Характеризуя феномен дуалистического развития, российские исследователи А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов говорят о формировании в ряде обществ, исторически сложившихся вдали от западного мира, конгломератов, включающих анклав архайчного и современного [Богатуров, Виноградов 1999; Богатуров, Косолапов, Хрусталева 2002: 335-355].

Особую сложность вызывает анализ мотивации населения в конфликтных зонах, например в Афганистане. Для выявления предпочтений местного населения относительно участников конфликта зарубежные исследователи используют методы социальной антропологии [Routledge Handbook... 2015]. Представляет

Источник: [Треков, Солодовник 1991: 92]

Рисунок 2. Механизм управления традиционным обществом (на примере Пакистана) интерес и управление мотивацией населения, формирование национальных мифов [Сахибгоряев, Котов, Понеделков 2016].

Объяснить мотивацию участников международных процессов, оперируя лишь анализом на уровне национальных элит и групп влияния, невозможно. Более комплексным является многоуровневый анализ международных процессов.

Уровни анализа международных отношений

Впервые в зарубежной международно-политической науке вопрос об уровнях анализа был поднят в монографии К. Уолца «Человек, государство и война» (1959 г.) [Waltz 2001], а также в статье Д. Зингера [Singer 1961]. Д. Зингер выделяет международную систему и национальное государство как два уровня анализа.

К. Уолц в своей монографии говорит о трех «образах» ТМО, объясняющих причины войны. В соответствии с первым из них (*first-image theory*) причины войны кроются в природе человека. В рамках второго «образа» (*second-image theory*) война объясняется внутренней природой государства. Наконец, необходимо учитывать международный контекст (*third-image theory*).

Данная логика прослеживается и в структуре классической работы по количественному анализу международной политики под ред. Д. Зингера (1968 г.) [Quantitative... 1968] — все исследования делятся на три части в зависимости от уровня анализа: уровень анализа лица, принимающего решения (*decision maker's level*); национальный (*nation level*) уровень и уровень системы международных отношений (*systemic level*). На индивидуальном уровне разбирались личные предпочтения ЛПР, особенности межличностных коммуникаций и психологического восприятия противоположной стороны. На национальном уровне затрагивались вопросы участия государств в конфликтах, а также сравнительный анализ особенностей поведения государств в различных ситуациях. Наконец, на системном уровне рассматривались вопросы формирования военных альянсов, международных экономических союзов и выделения региональных подсистем международных отношений на основе количественных критериев.

Американский политолог Р. Путнам предложил модель двухуровневой игры в анализе международных отношений [Putnam 1988]. На внутригосударственном

уровне участники международного процесса стараются заручиться поддержкой национальных групп интересов. На международном уровне участники международного процесса стараются максимально защитить национальные интересы, одновременно минимизируя возможные негативные международные последствия.

Схожую модель описывает и российский исследователь С.А. Афонцев, анализируя взаимодействие между различными уровнями принятия решений с точки зрения рыночных механизмов в рамках теории общественного выбора [Афонцев 2010]. Он выделяет три уровня рынков (национальный, региональный, глобальный), на каждом из которых мероприятия международной политики выступают в качестве объектов обмена между субъектами принятия решений и субъектами, предъявляющими спрос на те или иные мероприятия в соответствии с характером собственных интересов. При этом решения, принимаемые на более высоких уровнях рынков, ограничивают набор альтернатив, доступных для реализации на более низких уровнях [Тембу 2013].

Например, логика действий основных акторов в ходе украинского кризиса необъяснима на локальном уровне. Вооруженные силы Новороссии в начале сентября 2014 г. внезапно прекратили успешное наступление в направлении Мариуполя, а 5 сентября 2014 г. в Минске было достигнуто соглашение о прекращении огня. Вместе с тем анализ на более высоком уровне показывает, что РФ заинтересована в сохранении мира на Украине и создании общего экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока» (ЕС, Евразийский союз, КНР) в противовес продвигаемой США инициативе создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) с участием ЕС и стран НАФТА. Эскалация конфликта на Украине позволяла Новороссии добиться определенных тактических успехов, но в целом торпедировала развитие сотрудничества между ЕС и РФ, способствуя продвижению проекта ТТИП.

Итак, в заключение можно отметить, что по мере усиления взаимозависимости между странами внутренние конфликты в XXI в. достаточно быстро интернационализируются. Политизация этноконфессиональных расколов приводит к вовлечению новых типов акторов, в т.ч. международных террористических группировок, которые широко применяют новые информационно-коммуникационные технологии и строят свои связи по сетевому принципу. Государство при этом все чаще становится объектом международных конфликтов.

Список литературы

Афонцев С.А. 2010. *Политические рынки и экономическая политика*. М.: КомКнига. 384 с.

Бабинцев В.П. 2012. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении. — *Власть*. № 5. С. 24-29.

Бирюков Е.С. 2013. Роль финансов стран — членов ССГАПЗ в мировой экономике. — *Вестник Университета (Государственный университет управления)*. № 2. С. 189-195.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. 1999. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 60-69.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. 2002. *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО. 390 с.

Гаджиев К.С. 2016. Размышления о перспективах мир-системы. — *Власть*. № 2. С. 5-13.

«Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века (под ред. П.А. Цыганкова). 2015. М.: Изд-во МГУ. 384 с.

Греков Б.И., Солодовник С.В. 1991. Динамика социально-политической напряженности в Пакистане в 1950–1987 гг. (Опыт количественного анализа). – *Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений (опыт прикладных исследований)*: сборник научных трудов (под ред. И.Г. Тюлина). М.: Изд-во МГИМО. 164 с.

Дегтерев Д.А. 2010. *Введение в теорию игр для политологов и международныхников*. М.: Изд-во МГИМО-Университета. 92 с.

Дегтерев Д.А. 2011. Хартия о стратегическом партнерстве между США и Украиной. – *Национальная безопасность*. № 1-2. С. 85-94.

Дегтерев Д.А. 2015. Сетевой анализ международных отношений. – *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Политология. Международные отношения. № 4. С. 119-138.

Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Страны Северной и Северо-Восточной Африки (отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев). 2015. М.: Ленанд. 424 с.

Козырев В.А. 2006. Хронические конфликты и фактор Китая в АТР. – *Международные процессы*. Т. 4. № 2(11). С. 59-77.

Комплексная междисциплинарная методика РУДН ситуационного анализа международных конфликтов (под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангириана, В.А. Цвыка). 2014. М.: Изд-во РУДН. 110 с.

Мартынов Б.Ф. 2006. «Реликтовые» и потенциальные конфликты в Латинской Америке. – *Международные процессы*. Т. 4. № 2(11). С. 48-58.

Ситуационные анализы: учебное пособие. Выпуск 1 (под ред. Т.А. Шаклеиной). 2011. М.: Изд-во МГИМО(У). 235 с.

Сахибгоряев В.Х., Котов С.В., Понеделков А.В. 2016. «Имагинативная» природа феноменологии «оранжевой революции» на Украине. – *Власть*. № 10. С. 198-204.

Худайкулова А.В. 2005. Современные международные отношения: импликация нового контекста взаимозависимости. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 172-176.

Цыганков П.А. 2007. *Теория международных отношений*. М.: Гардарики. 557 с.

Черкасова В. 2015. Постмодернистская парадигма в политической теории: проблема СМИ. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 3. С. 114-122.

Conducting Conflict Assessments: Guidance Notes. 2002. DFID, UK. Доступ: http://www.conflictsensitivity.org/sites/default/files/Conducting_Conflict_Assessment_Guidance.pdf

Geller D., Singer D. 1998. *Nations at War: A Scientific Study of International Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mearsheimer J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W&W Norton & Co.

Putnam R. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. – *International Organization*. Vol. 42. No. 3. P. 427-460.

Quantitative International Politics: Insights and Evidence (ed. by J.D. Singer). 1968. N.Y.: Free Press.

Routledge Handbook of Research Methods in Military Studies (ed. by J. Soeters, P. Shields, S. Rietjens). 2015. London: Routledge.

Singer D. 1961. The Level-of-Analysis Problem in International Relations. – *World Politics*. Vol. 14. No. 1. P. 77-92.

Temby O. 2013. What are Levels of Analysis and What Do They Contribute to International Relations Theory? – *Cambridge Review of International Affairs*. 25 November. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09557571.2013.831032>

Waltz K. 2001. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. Columbia University Press. 263 p.

Waltz K. 2010. *Theory of International Politics*. London: Waveland Pr Inc. 251 p.

Wolfer A.A. 1962. *Discord and Collaboration. Essay of International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press. 312 p.

DEGTEREV Denis Andreevich, *Cand.Sci.(Econ.)*, Head of the Chair of Theory and History, Peoples' Friendship University of Russia (6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, Russia, 117198; Degterev_DA@pfur.ru); Associate Professor of Moscow State Institute of International Relations, University of the Ministry for Foreign Affairs of Russia (76 Vernadskogo Ave, Moscow, Russia, 119454; Degterev@mgimo.ru)

ACTORS OF INTERNATIONAL CONFLICTS OF NEW GENERATION: ATTRIBUTES, HIERARCHY, MODELING PARTICULARITIES

Abstract. The article focuses on the allocation of the main actors of international conflicts of a new generation and on the analysis of their motivation. The author provides classification of actors and levels of their involvement (from defensive to offensive realism). The events of the Arab Spring and the situation in Ukraine in 2014–2015 illustrate that the role of the state is considerably reduced; thereby the role of non-traditional actors is increasing, including business groups, as well as international terrorist groups. The article concludes that the analysis only at the level of national elites and interest groups does not explain most of the international conflicts and needs more comprehensive multi-level analysis of international processes. The author notes that the decisions taken at higher levels, limit the range of alternatives available for the implementation at the lower levels.

Keywords: actor, subject of international conflict, modeling of international relations, levels of analysis of international relations
